

«Любить — это значит
вбежать и до ночи грачей,
блестя топором, рубить дрова,
вглубь двора»

силой своей
Любить — играючи.
это с простынь,
срываться, бессонницей рваных,

ревнуя к Копернику,
его, а не мужа Марьи Ивановны,
считая своим соперником».

Д вухметроворостый, широкоплечий, готовый на сокрушительный ответ. Таким остается он в памяти большинства; весь «по сороплятому размеру». Еще в 1924 году Эренбург утверждал: «Иных шокировала наглость Маяковского, не простая наглость, но воистину великолепная». Зорек глаз Эренбурга, но можно ли доверяться одному взгляду?

Андреева вспоминает, как приехал Маяковский для первого знакомства с Горьким в Мустамьяки: «...очень занятно было смотреть, как волновался Маяковский. У него челюсти ходили, он им места не находил, и руку в карман то положит, то вынет, то положит, то вынет...» Похоже ли на «великолепного нахала»? Но нагрубить успел с первых слов: «...а вы не боитесь, что я у вас ложки утащу». Андрееву провести не удалось, сразу поняла, что вся грубость от преувеличенного самоуверждения, от робости и неуверенности, от нервозности, без которой обойдется тяжелоатлет, но не поэт!

И к Лиле он долго не решался подойти. Ходил гулять и делился литературными новостями с ее сестрой — Эльзой Триоле, впоследствии французской писательницей и женой Луи Арагона. Да и стоит ли о Лиле Брик — прозой, коль сам поэт нашел нужным — стихами:

«Пришла Взяла
деловито, отобрала сердце
за рыком, и просто
за ростом, пошла играть —
взглянув, как девочка мячиком». разглядела просто мальчика.

Через много лет его попросили написать автобиографию. Маяковский отдался весьма общими сведениями и не привел ни одной даты, кроме этой, особой: «Июль 915 года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками». Строка подчеркнута названием — «РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА!» Вот и пришла любовь! Все тот же «треугольник», столь необходимый литературе и непростой в реальной жизни. Лилия Юрьевна на два года старше Маяковского, училась живописи, классическому танцу, театру, но более всего ценила талантливые стихи. Разносторонняя и неровная, объявила мужу, что его не любит, еще за год до встречи с Владимиром Владимировичем; но Осип Максимович просил не расставаться. Таковы были тогда рыцари-интеллигенты, жившие по Чернышевскому.

Стала Лилия для поэта и злым, и добрым гением одновременно. Ее всегда окружали поклонники — поэт ревновал. Лилия, единственная, могла сделать поэту замечание — поэт принимал, с болью. Но может ли быть человек поэтом, если сердце его не переполнено любовью и ревностью, радостью и грустью? Вспомните Хикмета: «И если сердце разорвется, как граната ручная, — пусть разорвется!»

Поистине, кого невольют на Олимпе, сделают незрячими. Многие критики так и сая трепали стихи поэта, не постигнув главного:

«Если я Любимой
чего написал, моей
если глаза, круглые
чего да карие,
сказал, — горячие
тому виной до гари». глаза-небеса,

Как всегда, первой эти строки услышала Лилия и вздрогнула от горечи и ревности, представив глаза голубыми, как небеса; и с трудом и облегчением все же разобрала, что глаза карие... карие... карие. Ее глаза, Лили... Лили!..

Вернемся к началу знакомства. Лилия настойчиво приглядывалась к поэту — «исту»: бомбисту, футуристу. Пока он не прислонился к дверному косяку и не прочитал «Облако в штанах», только что написанное. На всю жизнь Лилия запо-

«Поэтический мир Владимира Маяковского — это «божественная комедия» нашего времени, а сам автор «Облака в штанах» — вершина айсберга русской дантологии», — сказал итальянский литературовед Еджидио Гуидубальди, участник состоявшейся в Москве Международной конференции «Маяковский на рубеже ХХI века».

(РИА)

К 100-летию

Владимира Владимировича

1893

1993

ТРИУМФ
МАЯКОВСКОГО

нила: «Маяковский сидел рядом с Эльзой и пил чай с вареньем. Он улыбался и смотрел большими детскими глазами. Я потеряла дар речи».

Надо полагать, это и называется — любовь с первого взгляда.

И Лилия выяснила, что Маяковский был человеком особой нежности, что грубость и цинизм он не переносил, что ни разу не повысил голос на Лилу, Осипа или «рабыню» (так называл поэт домашнюю работницу).

Любовь не была безоблачной; были и размолвки, и вновь вспыхивающее чувство особой близости. Лилия никогда не сетовала на голодные и холодные годы. Помогала поэту в «Окнах РОСТА», писала киносценарии и снималась в кино, работала в театральных постановках, сохраняла архив, к которому бессмертный относился наплевательски. И главное, словно генератор, заряжала его душу и сердце.

В 1922 году первый разрыв. Лилия считала, что поэзия «тонет в быту». Маяковский был удручен, но в чем-то с Лилей согласен.

Приговор: расставание с Лилей на два месяца, чтобы разобраться в чувствах. Лилия Юрьевна в воспоминаниях очень осторожно касается этого времени. Но сохранила для нас бесценные записки и дневник поэта тех времен, показывающие вулканоподобную его любовь:

«...если ты даже не ответишь — ты одна моя мысль. Как любил я тебя семь лет назад, так и люблю сию секунду...»

«...решение мое ничем, ни дыханьем не портить твою жизнь главное. То, что тебе, хоть месяц, хоть день без меня лучше, чем со мной, это удар хороший...»

Через два месяца «отбытия наказания» они вновь вместе поехали в Ленинград, читали и перечитывали ей посвященную, новую поэму «Про это», но было ясно: прошлое не возвращается. Маяковский стал видеть женщин, которых до той поры не замечал.

Шершеневич, близко знавший Маяковского, заявлял: «Его единственный искренний тон был после первых встреч с Лилей Брик. Все остальное было попой, к которой его подуживали обстоятельства, положения, друзья». И в таком суждении лишь часть истины, точнее сказано у самой Лили Юрьевны: «Маяковский был

одинок не оттого, что он был не любим, не признан, что у него не было друга. Его печатали, читали, слушали так, что залы ломились. Не счастье людей, преданных ему, любивших его. Но все это капля в море для человека, у которого «ненастный вор в душе», которому нужно, чтобы читали те, кто не читает, чтобы пришел тот, кто не пришел, чтобы любила та, которая, казалось ему, «не любит».

Максималист! Вот и попробуйте полюбить такого человека, как это делала прекрасная Лилия Брик! И пристаю к ней, как и к жене Пушкина — Наталье Гончаровой, — странные люди все с тем же вопросом: а почему ВЫ САМИ не вровень с поэтом? Да потому, что вровень с поэтом бывает лишь поэт, и не всякий! Будем же благодарны, что их присутствие вызвало в поэтах вдохновение, рука тянулась к перу, перо к бумаге...

После распада союза с Лилей поэт по нуждал себя любить, чтобы заполнить одиночество души.

Нет порядка в Датском королевстве! Нет озарения любви в сердце поэта, теплится, правда, еще пепел, но даст ли новую яркую вспышку? И когда нельзя выехать к Яковлевой в Париж (визы не дают), продолжает посылать телеграммы, это уже скорей от упрямства, от писки любви, как скверная привычка...

В ответ приходит письмо от Эльзы Триоле для Лили: Яковлева выходит замуж, кажется, за какого-то виконта, Брик нечаянно прочитывает это при Маяковском. Да и можно ли скрыть парижскую измену? Появляется Полонская, молодая актриса МХАТа, и Брик приглашает ее сниматься в кино, сценарий которого написан...

Можно гордиться, что много лет спустя находятся претенденты на родство с поэтом. Но рождены ли они любовью Маяковского? Случаи эти лишь убеждают нас в мировой значимости его творчества.

Времена менялись стремительно,

Д о бессмертного можно доехать на метро. Пигмеям не понравилось, что центральная площадь города носит имя поэта-гиганта. Вот, стоит он здесь, бронзовый, трехэтажный, на пепельно-черном пьедестале. За его твердую руку придерживались Евтушенко и Вознесенский, бросая жгучие слова в толпу молодежи. Этой же рукой он нежно поддерживал тоненькую Ахмадулину. Стоит он, смотрит на перекресток большого города, на суетящихся людей, которых он любил. Площадь вновь стала Триумфальной. Ну что ж, это заслуженный ТРИУМФ ПОЭТА.

унося идеалы. Прошло тринадцать лет от года 1917-го. Можно сказать — всего тринадцать, но следует сказать — целых тринадцать. Годы невероятных поисков и дерзаний. Груз лет давил и пригибал. Вместо радости бытия — безысходность строк:

«Уже второй. Должно быть ты легла.
В ночи Млечный серебряной Окою.
Я не спешу, и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить
и беспокоить».

И даже звукоряд изменился, коль переменялось настроение поэта. Одна боль!..

Конец поэта трагичен. Поэты дороже иных расплачиваются за жизнь и славу. Есть воспоминания о последнем вечере. Прошел он в «междусобойчике» у Катаева. Острили, спорили, говорили, слегка ерничили, озорничали. Были: Полонская, Ливанов, Яншин.

Катаев вспоминает: «Стали расходиться:

— Вы совсем больны, у вас жар! Останьтесь, умоляю: я устрою вас на диване...

— Нет! Пойду лучше домой. На Гендриков.

В голосе его слышалось глубокое утомление.

— Кланяйтесь Брикам. Попросите, чтобы Лилия Юрьевна заварила вам малины.

— Брики в Лондоне, — мрачно пробормотал он, и мне вдруг стало поразительно ясно, как ему одиноко по вечерам в пустой квартире на Гендриковом.

— Что же один будете там делать?

— Искать котлеты. Пошарю в кухне. Мне всегда оставляет там котлеты наша рабыня. Люблю ночные холодные котлеты.

Я почувствовал, что ему совсем плохо».

...Очень много комментировалось, но редко появлялось в печати последнее письмо Маяковского. Вот оно в изложении Мариенгофа:

Всем. В том, что умираю, не винить никого, и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник ужасно этого не любит. Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лилия — любви меня.

Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мать, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят — «инцидент исперчен».

Любовная лодка разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете. И не к чему перечень

Взаимных болей, бед и обид.

Счастливо оставаться. Владимир Маяковский. 12 апреля (1930 года).

Приписка на обороте:

«Товарищи Раповцы, не считайте меня малодушным. Серьезно — ничего не поделаешь. Привет. Ермилову скажите, что жаль, что снял лозунг, надо бы доругаться. В.М.».

12 апреля! До выстрела оставалось еще около суток... и гнетущее одиночество среди людей...